

**ПРОПАГАНДИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЕРМАНИИ НА ОККУПИРОВАННЫХ СОВЕТСКИХ
ТЕРРИТОРИЯХ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ «РЕЧЬ»)**

Аннотация. Цель статьи заключается в изучении пропагандистской деятельности нацистской Германии на территориях оккупированного Советского Союза в период Великой Отечественной войны. В большинстве случаев эта деятельность осуществлялась через коллаборационистские печатные издания, иные печатные материалы, радио- и кинопропаганду. Кроме этого, представители прессы могли организовывать публичные мероприятия, показательные процессы и др. В данном исследовании автор в качестве примера берёт русскоязычную оккупационную немецкую газету «Речь», выходившую на территории города Орла.

Автором статьи рассматривается проблематика пропагандистской деятельности. Она заключалась в создании и поддержании извращённой нацистской идеологии о превосходстве арийской расы и необходимости уничтожения «непригодных» элементов. Распространение коллаборационистских печатных изданий создавало атмосферу тревоги, страха и ненависти.

На основании идеографического, историко-генетического, ретроспективного и сравнительно-исторического методов автор раскрывает особенности становления пропагандистской деятельности нацистской Германии на оккупированных территориях. В данном контексте наибольшее значение уделяется изучению архивных материалов – официальных распоряжений, материалов делопроизводства и писем времён оккупации. Содержание газеты «Речь» наиболее полно раскрывает официальную пропагандистскую политику. Автор использует также в качестве дополнения информацию из плакатов, других газет и журналов того периода, раскрывая используемые пропагандистские методы. Официальные или частные мнения и рассказы людей, живших в тот период, важны для понимания воздействия пропаганды на массовое сознание. Сравнение методов пропаганды раскрывает региональные особенности распространения такого материала.

В исследовании освещается деятельность русского журналиста, литератора и исследователя В. Самарина (Соколова). Он являлся одним из редакторов газеты «Речь». На основании новых архивных данных рассматривается пропагандистская работа В. Самарина. Особое внимание уделяется периоду его активного сотрудничества с нацистами в городе Орле, работе в эмигрантских печатных изданиях Германии и Йельском университете США.

В результате этой пропагандистской деятельности на оккупированных территориях происходили акты геноцида и нарушения прав человека. Освещение этой деятельности на территории Орловской области в период Великой Отечественной войны способствует восстановлению более полной картины трагических событий города того периода.

Ключевые слова: коллаборационизм, оккупация, пропаганда, Великая Отечественная война, В. Самарин, антисемитизм, пропагандистские роты, печатные издания, газета «Речь», вермахт

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Цит.: Булышкин И.Б. Пропагандистская деятельность Германии на оккупированных советских территориях в период Великой Отечественной войны (на примере газеты «Речь») // Вестник государственного и муниципального управления. – 2024. – Том 13. – № 1. – С. 33–48.

© Булышкин И.Б., 2024г.

NAZI PROPAGANDA IN THE OCCUPIED SOVIET TERRITORIES DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (A CASE STUDY OF PUBLICATIONS IN «RECH»)

Abstract. The purpose of the article is to study the Nazi propaganda machine in the occupied Soviet territories during the Great Patriotic War. In most cases, this activity was carried out by means of collaborationist publications, other printed materials, and film and radio propaganda. In addition, the Nazis could organize public events, show trials, etc. The author studies the occupation German newspaper «Rech» printed in Russian, which was published in Orel.

The author examines the propaganda problems. The goal of propaganda was to create and maintain a perverted Nazi ideology about the Aryan race superiority and to destroy «unsuitable» elements. The collaborationist publications caused anxiety, fear and hatred.

Ideographic, historical-genetic, retrospective and comparative-historical methodologies are used in the current research. They help to reveal the features of the Nazi propaganda development in the occupied territories. In this context, such archival materials as official orders, records management materials and times of occupation letters have the greatest importance. The contents of «Rech» fully reveal the official propaganda policy. As an addition, the author studies the information from posters, other newspapers and magazines of that period, revealing the propaganda methods. To understand the propaganda impact on mass consciousness, the author pays a great attention to official and private opinions, and stories of people who lived during that period of time. The goal of propaganda methods comparative analysis is to reveal regional characteristics of publications expanding.

The work of the Russian journalist, writer and researcher V. Samarin (Sokolov) is considered in the study. He was one of the «Rech» editors. New archival data are used to examine V. Samarin's propaganda work. A special attention is paid to his active collaboration with the Nazis in Orel, and his work in emigrant press in Germany and Yale University in the USA.

As a result, the author concludes that the Nazi propaganda facilitates genocide and human rights violations in the occupied Soviet territories. The Orel collaborationist publications analysis contributes to the restoration of the tragic events fuller picture in the occupied town during the Great Patriotic War.

Keywords: collaboration, occupation, propaganda, the Great Patriotic War, V. Samarin, anti-Semitism, propaganda companies, publications, newspaper «Rech», the Wehrmacht

Funding information: *This study was performed without external funding.*

For citations: Bulyshkin, I.B. (2024) Nazi propaganda in the occupied Soviet territories during the Great Patriotic War (a case study of publications in «Rech»). *Journal of Public and Municipal Administration*. Vol. 13, no. 1, P.33–48.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования заключается в рассмотрении такого аспекта ведения войны нацистской Германией в 1941–1945 гг. на территории Советского Союза, как информационная война. Процесс формирования агитационного материала для оккупированного населения СССР являлся важным проектом, контролируемым германским министерством пропаганды задолго до вторжения в Советский Союз, что в итоге стало идеологической базой для формирования коллаборационистских тенденций среди советского населения. Важность исследования хронологии формирования информационно-идеологической пропаганды даёт возможность для понимания как возникновения коллаборационизма, так и частичного успеха Германии в формировании батальонов, частей дивизий, предавших Родину и ставших под знамёна Третьего рейха.

Армия нацистской Германии, вторгшись на территорию Советского Союза с помощью грубой силы оружия, не оставляла без внимания и роль пропаганды – мощнейшего оружия ментальной войны. Развитой идеологический плацдарм нацистов помогал объяснять местным жителям, что на самом деле они пришли с миром, и приводить доводы, по которым оккупация на самом деле является освобождением от тирании большевиков. Общение с оккупированным населением всегда осуществляется через специалистов, владеющих языком местного населения, которые являются либо солдатами оккупационной армии и обладают культурными знаниями и навыками владения иностранным языком, либо набираются на местах среди желающих сотрудничать.

Пропагандистская деятельность на территориях оккупированного Советского Союза в период Второй мировой войны осуществлялась через коллаборационистские печатные издания, иные печатные материалы, радио- и кинопропаганду, организацию публичных ме-

роприятий, показательные процессы и др.

Основные печатные издания, изучаемые в данном контексте, являются в значительной мере малоизученными, при этом именно они содержат важнейший источник информации о том, как оккупационные войска осуществляли «духовное и идеологическое воспитание» уничтожаемого ими советского народа. Именно издаваемые под руководством немцев такие издания, как «Речь», «Голос народа», «Дмитровская газета», «Севский листок» и т. д., сделали возможным создание РОА, РОНА и Национал-социалистической трудовой партии России (НСТПР).

Исследование включает в себя использование произведений таких авторов, как В. Соколов (Самарин) – один из редакторов орловской газеты «Речь», М. Октан – главный редактор той же газеты, и самих материалов коллаборационистских изданий «Речь», «Голос народа» и других.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Несмотря на откровенный геноцид, развязанный вермахтом в СССР в июне 1941 года, немцам необходимо было решить вопрос о том, как налаживать общение с местным населением и распространять свои пропагандистские материалы.

Уже к 1941 году оккупационной армии Германии стало ясно, что они не в состоянии полноценно и полномасштабно выполнять свои задачи без привлечения русских коллаборационистов. Потребность в привлечении местного русского населения к сотрудничеству становилось всё острее с приближением разгрома военной машины вермахта. Важную роль в процессе привлечения оккупированного населения в различные вспомогательные формирования вермахта и полицию (Hilfswilliger) играла пропаганда. В значительной мере именно коллаборационисты обеспечили эффективность пропаганды национал-социалистической германской агитации.

Так, 693-я рота пропаганды 2-й танковой армии постоянно привлекала в свои ряды русских, готовых к сотрудничеству, и такой контингент предателей Родины был очень востребован среди различных структур вермахта.

Среди всех разнообразных форм идеологического противоборства нацистской Германии в отношении Советского Союза ведущую роль играли периодические печатные издания, и в значительной мере это были коллаборационистские газеты и журналы. Так, заместитель главного редактора орловской газеты «Речь» В. Самарин в своей послевоенной статье под названием «Пропаганда и печать на оккупированных территориях» приводит список (неполный, по его замечанию) печатных изданий, количество которых равняется 39 [13]. Качественный уровень газет, по замечанию В. Самарина, был не очень высок, и из общей массы он выделяет «Голос Крыма», проводивший последовательную и яркую «национально-русскую» линию, смоленский «Новый путь», помещавший на своих передовицах статьи профессиональных журналистов, а также киевские «Последние известия» и псковскую «За Родину» («Военный орган Комитета освобождения народов России»). Также необходимо отметить газету военно-воздушных сил «Наши крылья», которая выпускалась отделом пропаганды ВВС КОНР, начальником которого был майор А. Альбов, бывший начальник русской редакции службы «Винета». Подразделение «Винета» занималось подготовкой радиопередач, фильмов и граммофонных пластинок для подрывной работы среди населения оккупированных советских областей. По утверждению сотрудника министерства имперской пропаганды и руководителя «Винеты» Э. Тауберта, в нём «были сосредоточены переводчики и дикторы основных восточных языков» во избежание того, «что каждое министерство и каждое управление создает для себя отдельный штаб переводчиков с восточных языков» [4]. Редактором печатного органа ВВС КОНР был капитан А. Булдеев, скрывавшийся под псев-

донимом А. Усов. В прошлом он служил в армии адмирала А. Колчака, за что отбыл в СССР срок в исправительных лагерях. Знаком он был и с редакторской работой: в 1942–1943 гг. возглавлял газету «Голос Крыма», также с 1943 года руководил газетой «Земледелец Тавриды». На должности корреспондента в газете «Наши крылья» работал белоэмигрант подпоручик К. Шпицляй.

По данным, приводимым С. Чуевым, в период Великой Отечественной войны насчитывалось примерно 199 русскоязычных антисоветских газет и журналов, распространявшихся на оккупированной территории и в «добровольческих» частях [19].

Позже И. Грибковым был приведён более обширный список из 300 изданий на русском языке, выпускавшихся и распространявшихся на оккупированной территории СССР [2].

Сложность, неоднозначность и дискуссионность такого исторического феномена, как коллаборационизм советских граждан в Великой Отечественной войне и периодическая пропагандистская печать данных формирований (РОНА, 1-я казачья кавалерийская дивизия Гельмута фон Паннвица, 1-я русская национальная бригада СС «Дружина», дивизия «Руссланд» и т. д.), вызывает в настоящее время как сугубо научно-исследовательский интерес в научном сообществе в связи с недостаточной освещённостью в полной мере данной тематики в советский период, так и в историческом и политическом дискурсе в целом [25]. Важность изучения нацистской пропаганды в Красной армии и НКВД понимали и уделяли ей тщательное внимание уже с 1941 года, когда начальником политического управления Северо-Западного фронта был произведён первый аналитический обзор содержания газет, издаваемых на оккупированной территории, и их политической направленности для Главного политического управления РККА. Текущие справки обычно оформлялись специальными выпусками информационных бюллетеней, составляемых информационно-разведывательными отделами штабов парти-

занского движения при военных советах фронтов, и носили стандартное название «Обзор газет, издаваемых фашистами на русском языке на оккупированной территории». В этих обзорах должны были наглядно отражаться «те вопросы, какие немцы используют в своей пропаганде для достижения поставленной цели».

Руководство партизанских отрядов также уделяло значительное внимание немецкой пропаганде и тем материалам, что вермахт распространял среди местного населения. Руководство ставило перед партизанами задачи, касающиеся получения не только разведывательных сведений, но и образцов нацистской пропаганды.

Так, весной – летом 1943 года, в ходе проведения партизанских операций по срыву немецкого наступления, «поставки» оккупационных материалов практически прекратились. Но уже 27 августа 1943 года начальник Центральной школы подготовки партизанских кадров майор Семенихин обращается к начальнику отдела специнформации Центрального штаба партизанского движения подполковнику Кутейникову: «Центральная Школа Подготовки Партизанских Кадров в процессе подготовки курсантов, ощущает острый недостаток в целом ряде материалов, освещающих положение в тылу противника, что не дает возможности полноценной ориентации слушательского состава с предстоящими условиями работы. Прошу Вас предоставить в наше распоряжение имеющиеся у Вас материалы...». Кутейников накладывает на документ резолюцию «Указанные материалы должны высылаться в школу» [3].

С самого начала прихода к власти в 1933 году Национал-социалистической немецкой рабочей партии вопрос идеологии и пропаганды стал едва ли не ключевым.

К началу Великой Отечественной войны вся периодическая печать, предназначенная для Восточного фронта и оккупированных территорий СССР, находилась в ведении управлений пропаганды и периодических изданий министерства Й. Геббельса. Они опре-

деляли редакционную и кадровую политику изданий данной (восточной) направленности, осуществляли техническое обеспечение, а также вырабатывали научно-методические рекомендации по их деятельности [2].

К началу Великой Отечественной войны по приказу Геббельса для народов СССР было отпечатано более 30 млн брошюр на 30 языках. В первые дни войны вся прифронтовая зона была буквально засыпана листовками, и каждая партия предназначалась для разной аудитории: для офицеров – о некомпетентности сталинских полководцев, для солдат – о сытой жизни в немецкой армии, для гражданского населения – о перегибах советской власти. Согласно примкнуть к Германии была обещана работа, дом и тихая счастливая жизнь.

Немецкий исследователь Н. Мюллер отмечал, что руководство нацистской Германии, планируя агрессию против СССР, готовило систему мер для идеологического разложения советского населения, которая распространялась от разработки соответствующих направлений организованного обмана через подготовку специальных военных и гражданских органов пропаганды до предоставления технических средств – передвижных радиостанций, типографий и др. [8]. Носителем данной системы одно время было министерство пропаганды, и в особенности, как было уже отмечено выше, его «восточное отделение» под руководством доктора Тауберта, которому позже был подчинен также штаб «Винета», занимавшийся подготовкой радиопередач, фильмов и граммофонных пластинок для подрывной работы среди населения оккупированных советских областей [5]. Именно Эберхард Тауберт с 1939 года возглавлял Институт исследований еврейского вопроса (Institut zur Erforschung der Judenfrage). А в 1940 году он работал над сценарием к антисемитскому пропагандистскому фильму «Вечный жид» («Der ewige Jude»), а также отвечал за закон, обязывающий евреев носить желтую звезду [21].

В задачи этого отдела входили перевод,

подготовка и издание различных пропагандистских материалов на языках народов СССР, чтобы, когда «немецкие войска переступили советскую границу... сразу начать радиопередачи на русском, украинском, белорусском, литовском, латышском и эстонском языках, равно, как и на языках кавказских и тюркских народов» [5]. Кроме того, сотрудниками «Винеты» «...были заготовлены на русском языке, а равно и на других языках листовки, брошюры, плакаты... др., и доставлены передовым частям армии. Таким образом, и здесь, чего никогда раньше ни при каких походах не имело место, пропаганда шла не вслед за наступающей армией, а вместе с нею вступала на завоеванные земли» [5].

К моменту нападения нацистской Германии на СССР численность пропагандистских рот вермахта составляла 19, 11 из них были развращены на советско-германском фронте.

В задачи этих подразделений входило ведение пропаганды в отношении военнослужащих собственной армии и среди немецкого населения, а также информационно-психологическое воздействие на население оккупированных областей и армию противника. Для решения этих задач роты пропаганды были укомплектованы специалистами различных направлений, наибольшее количество должностей занимали сотрудники по печатной пропаганде [22]. Каждая полевая армия, танковая группа, воздушный флот имели свою пропагандистскую роту.

На начальном этапе войны в подразделения отдела пропаганды вермахта набирали только граждан Германии, но в связи с изменением характера противостояния в ротах пропаганды стали формироваться специальные, «восточные» взводы [22].

Основные идеи нацистской пропаганды, направленной на бойцов и командиров РККА, в начале войны были сформулированы в простой и доступной форме: «Сталинский режим закабалит народы России, Германия несёт им освобождение, немецкая армия непобедима, единственный шанс спасти свою жизнь – добровольная сдача в плен». Вместе

с изменением обстановки на фронте трансформировались и пропагандистские конструкции, применявшиеся для информационно-психологического воздействия на военнослужащих Красной армии и население оккупированных областей. Для достижения наибольшего эффекта своей деятельности нацистские «солдаты идеологического фронта» привлекали коллаборационистов, которые хорошо знали особенности языка и менталитет местного населения, а также могли использовать слабые места советской пропаганды.

Обращаясь к конкретным примерам и данным пропагандистской деятельности нацистов на оккупированных территориях СССР, мы будем опираться на анализ орловской газеты «Речь», о которой упоминалось выше. Это обусловлено её широкой популярностью среди местного населения, большими тиражами, распространение которых охватывало несколько областей Центральной России, агрессивными антиеврейскими настроениями. «Речь» была, «вероятно, самой антисемитской из русских газет, издававшихся в годы оккупации» [4].

Газета «Речь» была одной из самых популярных и распространяемых на территориях как самой Орловской, так и Брянской и Курской областей. К примеру, в Локотской республике – административно-территориальном коллаборационистском образовании, охватывающем территории Брянской, Орловской и Курской областей, возглавляемом сначала Воскобойником, а в дальнейшем Б. Каминским, распространялось также около 6000 экземпляров орловской газеты. 20 октября 1942 года в Брянске открыт филиал редакции газеты «Речь». Там можно было оформить подписку на газету. Кроме того, филиал распространял книги, пропагандистские брошюры, плакаты и т. п. Именно «Речь» была лидером среди других печатных изданий на данной территории, среди которых были также газеты «Заря», «Клич», «Доброволец», «Голос народа». С целью широкого распространения коллаборационистской пе-

чати в Орловской области немцами в каждом районе налаживалась внутрирайонная почтовая связь. Так, в каждой волости Дмитровского района были назначены волостные почтальоны (по одному на волость), в обязанность которых входило дважды в неделю получать в райцентре газеты, после чего доставлять их в деревни района. Помимо этого, перед почтовой конторой ставилась задача «популяризовать» среди населения газету «Речь» и провести на нее подписку, а также установить регулярную почтовую связь с Курском и наладить доставку газет оттуда [10]. В декабре 1941 – январе 1942 года газета распространялась бесплатно, с 1 февраля 1942 года – стоила 15 копеек, с 28 мая 1943 года – 50 копеек (из них 15 копеек получали разносчики газеты). С 15 февраля 1942 года в газете открывалась рубрика «В помощь изучающим немецкий язык». В ней регулярно печатались уроки немецкого разговорного языка. С 5 августа 1942 года появляется ещё одна рубрика – «Дневник города», в которой освещались разные городские события. С 26 августа 1942 года – рубрика «Церковная жизнь». В ноябре 1942 года выходит первый номер сатирического приложения «Жало» с антисоветскими частушками, стихами и карикатурами на политических деятелей. С 19 мая 1943 года появляется «страничка добровольца», где публиковались заметки добровольцев Русской освободительной армии (РОА).

Также необходимо отметить что успех газеты зависел и от роли личности редактора издания Михаила Октана, награждённого немцами двумя серебряными орденами – «За храбрость» и «За заслуги» 2-го класса с мечами, и его заместителя В. Самарина, также высоко ценимого оккупантами и награждённого орденом в бронзе «За заслуги» (ранее, в марте 1943 года, он был награжден орденом «За храбрость и заслуги» 2-го класса в бронзе с мечами). Именно эти люди сыграли важную роль для нацистской пропаганды и коллаборационизма во время Великой Отечественной войны в целом.

С первых же дней начала немецкого вторжения на территорию Советского Союза была организована идеологическая обработка населения на оккупированных территориях. 3 октября 1941 года, на пятый день германского наступления группы армий «Центр» (операция «Тайфун»), преодолев 250 км, 4-я танковая дивизия вермахта ворвалась в город Орёл. С самого начала оккупации немецкие войска стали активно и планомерно проводить свою пропагандистскую политику. Для эффективной пропагандистской работы с населением города и области оккупационными властями в Орле была организована политическая школа в здании центральной библиотеки на Волховской ул., 1. Основатель и директор школы – лейтенант Альбрехт – до войны был учителем в образцовой школе им. Адольфа Гитлера в Тюрингии.

Кроме текущих вечерних занятий учащиеся (бургомистры, учителя, врачи и пр.) из близлежащих городов съезжались на десятидневные курсы. Эффект от обучения оказал очень сильное влияние на улучшение взаимопонимания с населением. По роду и объёму деятельности такая школа уникальна для оккупированных территорий и потому заслуживает внимания. Школа имела отделы: устной пропаганды и агитации, печатной пропаганды и агитации, культуры и воспитания [15]. Материал для преподавания черпается из газеты «Речь», издаваемой оккупационной властью для местного населения, и пропагандистских брошюр с такими названиями: «Что такое национал-социализм», «Евреи и большевизм» (М. Октан), «Является ли эта война отечественной для народов России?» (М. Октан), «Каторжный социализм», «Почему я враг Советской власти» [18].

Школа находилась в подчинении II Департамента пропаганды Имперского министерства народного просвещения и пропаганды Германии.

Первый номер газеты «Речь» вышел 5 декабря 1941 года. Первоначально редакция газеты размещалась по адресу: ул. Болховская, д. 3, с 1 февраля 1942 года – по ста-

рому адресу: Дворянский переулок, д. 7, с 22 февраля 1942 года – на ул. Садовой, д. 26. Газета выходила три раза в неделю (среда, пятница, воскресенье). Редактировали её Михаил Октан (Ильин), заместитель редактора Владимир Самарин (Соколов), ставший важной фигурой коллаборационизма как в оккупированном городе Орле, так и в России [17].

В. Соколов (Самарин) родился в Орле в 1913 году, его отец, активно участвовавший в местной политике, был дворянином, адвокатом и землевладельцем. Его мать, дочь ректора городской духовной семинарии, преподавала русскую литературу в местной школе. Он и его младший брат учились на дому до девяти лет, что, как он позже расскажет в эссе о советской системе образования, было «...обычным делом в семьях интеллигенции в те годы» [25].

К тому времени, когда Соколов окончил среднюю школу, в 1930 году, его отец бежал в Сибирь, чтобы защититься от сталинских чисток. Сам Владимир Самарин остался в Орле. Он подал документы в университеты Москвы и Ленинграда, чтобы изучать литературу, но его «социальное происхождение» компрометировало его. Он пошёл работать на фабрику, чтобы попытаться стереть своё аристократическое прошлое. Затем он подал заявление в местный педагогический колледж, поступил в него как бывший рабочий и окончил через четыре года. В 1937 году его приняли на работу в технический колледж.

В 1937 году Самарин бежал от работников НКВД в город Самару и скрывался там несколько месяцев. Летом он вернулся в Воронеж, где жил под вымышленным именем и гостил у друзей, которые помогли ему получить должность в местном колледже. Он преподавал русскую и американскую классическую литературу. Сам он не оставлял мечту стать романистом [15]. В этот период времени он лечился от хронического заболевания сердца, которое, как он позже говорил, спасло его от призыва. К осени 1941 года В. Соколова повысили до директора колледжа.

В сентябре 1941 года Соколов на несколько дней вернулся в Орёл, чтобы повидаться с друзьями-военными и услышать о событиях на фронте. «Они сказали, что немцы разбили лагерь в лесах вокруг Брянска и какое-то время не собирались начинать наступление», – писал он в 1954 году [26]. Но нападение началось на следующей неделе, всего через несколько дней после того, как Соколов отправился обратно в Воронеж. К началу октября нацисты превратили Орёл в форпост восточной кампании. Накануне вторжения в городе проживало около 100 000 человек. Следующим летом осталось всего 38 000 человек. Многие были убиты артиллерией, заморены голодом, уведены в лес и похоронены заживо или отправлены поездом в лагерь принудительного труда в Германии [9]. Другие бежали из города на советскую территорию дальше на восток или ушли в леса, чтобы присоединиться к партизанским отрядам, рассредоточенным по всему региону.

Орёл был для нацистов больше, чем просто оккупированным городом, это был эксперимент в рамках гитлеровского видения панконтинентального рейха, где граница была очищена от евреев и славян путём геноцида и вновь заселена немцами. Нацисты планировали сравнять город с землёй и уничтожить значительное количество его жителей. Чтобы «облагородить» свои преступления, они возобновили работу школ, отремонтировали инфраструктуру, открыли сиротские приюты, субсидировали театр для антибольшевистских ораторов и развлечения, которые не оскорбляли новое командование, но самым важным учреждением была газета.

Соколов не нуждался в вербовке. Воронеж пал перед нацистами примерно через год после Орла, в июле 1942 года. Менее чем за месяц боевых действий было убито более полумиллиона человек. Соколов, его жена Алевтина, преподавательница колледжа, и её маленькая дочь от предыдущего брака уехали после падения города и в течение двух дней добирались до Орла, где и поселились.

Несколько недель гостили у старого друга,

пока Соколов искал работу. Он искал способ присоединиться к войне против Советов, и его друг порекомендовал обратиться в мэрию, где он подал заявление о приёме на редакторскую работу в газету «Речь». Отдел нацистской пропаганды проверил его, их устроило его прошлое – бывший аристократ, бывший учитель, набожный, антибольшевик до мозга костей – ему предложили работу. На следующей неделе он появился в офисе газеты и встретился с двумя её руководителями: главным автором – бывшим советским журналистом по имени Михаил Оксан – и главным редактором – немецким офицером.

Немцы наняли Соколова в качестве штатного писателя и редактора. Для своей подписи он выбрал псевдоним Самарин в честь русского философа-славянофила Юрия Самарина, «великого патриота», как он позже скажет. Теперь Самарин (Соколов) рассматривал эту должность как своего рода патриотический призыв воскресить павшую Россию. Он стал постоянным сотрудником газеты. Он поднялся по служебной лестнице, писал передовицы на первой полосе, был назначен литературным редактором, отвечающим за тон и стиль издания, а затем назначен заместителем главного редактора. К концу 1942 года тираж газеты вырос до 100 000 экземпляров, а каналы распространения увеличились по всему региону. Издание выпускалось также на территории коллаборационистского Локотского самоуправления, возглавляемого Б. Каминским.

Соколов зарекомендовал себя как отличный сотрудник, и нацисты вознаградили его – предоставили ему дом и хорошее денежное довольствие. Самарин летал в Германию, чтобы посмотреть, как живут немцы, и посетить трудовые лагеря для советских угнанных граждан в Штутгарте и Мюнхене, чтобы затем использовать данный опыт в пропаганде и обосновании угона советских граждан на принудительные работы в Германию [11]. Немцы наградили его медалью «За храбрость и заслуги» перед рейхом в день рождения Гитлера. В газете он создал репутацию опытного пропагандиста, предпочитающего темы: «жидо-

большевизм», еврейское «завоевание мира», еврейская провокация войны, еврейское «господство» в Англии и Америке, протоколы сионских мудрецов и Русская освободительная армия [11, 12].

Впоследствии говоря о советских газетах, Самарин писал: «...я испытывал такое отвращение, что мне хотелось в исступлении плюнуть (простит ли читатель мои резкие слова), потому что прямо со страницы на меня смотрело лицо с крючковатым жидовским носом» (РГАСПИ. Ф.625. Оп.1. Д.47. Л.139).

О нацистах Самарин писал: «Немецкая армия воюет против большевизма за жизнь и будущее Европы, в том числе и русского народа». О евреях: «До немецкого освобождения, Жид был хозяином, Жид был везде... Сталин не является жидом, но он не является и подлинным хозяином в СССР: хозяевами являются вездесущие жида» [7]. В совокупности слова Соколова составили мировоззрение, которое он мог оправдать и использовать в качестве оружия, а позже отрицать, что когда-либо имел. Это была система убеждений, которой он и люди его окружения были преданны, как в качестве объяснения внезапной потери контроля над Россией, так и в качестве стратегии по ее возвращению.

Весной 1943 года Соколов написал статью, которая стала важной вехой в его карьере в газете. Статья называлась «Бывшие хозяева Орла» и начиналась с воспоминания: «Воспоминания о советских временах связаны с воспоминаниями о жидях, истинных хозяевах СССР» (РГАСПИ. Ф.625. Оп.1. Д.47. Л.139). Он вспомнил, как был в Харькове, городе на северо-востоке Украины, возвращаясь из поездки в Крым. Это был 1941 год, и война только началась. «Насколько евреи были самоуверенны и дерзки до войны, – писал он, – настолько они были напуганы и встревожены после её начала. Город был похож на потревоженный муравейник. Было легко понять: жида напуганы!» Ужас, который испытывали евреи Харькова в начале войны, вызвал у Соколова ликование, так же как и уверенность в том, что будет дальше. Нацисты захватили Харьков в октяб-

ре. Той зимой они убили 15 000 евреев города и похоронили их в братской могиле в ущелье Дробицкий Яр. Чтобы сберечь патроны, нацисты бросали детей живыми среди груды трупов и ждали, когда холод убьёт их. Остальную часть статьи Соколов посвятил перечислению евреев города по именам и профессиям, чтобы доказать, что они правили городом до нацистского «освобождения». Большинство из 47 человек, которых он перечисляет, были учителями, врачами или бухгалтерами. Позже в свою защиту он сказал, что в то время знал, что не подвергал опасности никого из названных им людей [13, 24].

К августу 1943 года советские войска были близки к освобождению Орла, и «Речь» уничтожала свои архивы. Нацисты эвакуировались на запад и забрали с собой Соколова и остальных сотрудников. Они отправились в Брянск, затем в Бобруйск, который они всё ещё оккупировали, и возобновили работу типографии. В Бобруйске Соколов присоединился к небольшой организации под названием «Союз борьбы против большевизма», которая была организована пропагандистами 9-й армии и главным редактором газеты «Речь» Михаилом Октаном. Чтобы быть принятыми в организацию, члены должны были принести присягу Гитлеру. Бобруйск пал перед советскими войсками менее чем через год. Когда город был освобожден советскими солдатами, Самарин был эвакуирован в Германию, где стал сотрудником газеты Комитета освобождения народов России (КОНР) «Воля народа» [15, 16].

После войны он переехал со своей женой и дочерью в британскую зону в Западной Германии, снял квартиру в Гамбурге и пару лет редактировал антикоммунистический еженедельник. Затем он переехал к югу от города Лимбург-ан-дер-Лан, где работал редактором журнала «Посев», издававшегося Национально-трудовым союзом российских солидаристов (НТС), которые провели первые десятилетия холодной войны в планировании антибольшевистской революции [15, 16, 18].

К 1951 году советская эмиграция переме-

стилась в США, а вместе с ней и центр эмигрантского антикоммунизма. Соколов хотел выбраться из Германии в Америку. 21 мая 1952 года он отправился в Комиссию по перемещенным лицам в Венторфе, чтобы подать заявление на визу [6]. Во время собеседования для получения визы он рассказал комиссии версию своей истории, которая, по его мнению, понравилась бы им больше всего [13, 14]. Он происходил из семьи землевладельцев, близких к царю. Он скрывался от советской тайной полиции. Он был «корректором» в «антикоммунистической» газете в оккупированной России. Он продвигался по служебной лестнице в эмигрантской прессе в Германии. Он хотел привезти свои таланты в Америку. Он хотел бороться с коммунистами.

В итоге он получил разрешение на визу в течение нескольких недель и прибыл в Нью-Йорк 27 июня. Фонд Толстого, который ранее в том же году был спасён от банкротства ЦРУ, помог ему и другим «белым» российским знаменитостям обосноваться в новой стране.

В 38 лет Соколов был полон решимости стать важной литературной фигурой и уже обдумывал свои мемуары. Он всё ещё писал в Америке под псевдонимом Самарин – своим нацистским псевдонимом – и никогда не думал его менять. Он был уверен, что нацисты уничтожили архивы и документацию газеты «Речь» во время своего отступления на запад. Даже если его статьи всё ещё где-то существовали, он был убеждён, что они не повлияют на его новую жизнь.

Благодаря толстовскому фонду он получил работу редактора в издательстве Чехова на Манхэттене, ещё одной финансируемой ЦРУ организации, которая напечатала около сотни книг советских диссидентов.

Во время учёбы в Чеховском университете Соколов подготовил к печати несколько книг нобелевского лауреата Ивана Бунина. В Америке он хотел сформировать себя по образу и подобию Бунина и свободно признавал это. «Я люблю Бунина как художника, как настоящего мастера слова», – написал он в письме 1954 года драматургу Борису Зайцеву. На первый

взгляд, у них были похожие истории – сыновья сельской знати, которые начинали в газетах в Орле (в случае Бунина – в местной ежедневной газете до захвата власти нацистами).

Но на этом сходство заканчивалось. Во время войны Бунин был убеждённым антинацистом. В своём доме на французской Ривьере, где он жил на протяжении всей немецкой оккупации, он укрывал друзей-евреев и бежавших советских военнопленных. После войны он держался подальше от политики и придерживался этого в искусстве.

Однако в Нью-Йорке карьера Соколова развивалась, он проработал 17 лет в Йельском университете, где преподавал русский язык и литературу [24]. Он в целом производил положительное впечатление на своё начальство, но зарекомендовал себя как привередливый читатель, который мог прийти в ярость из-за элементарных грамматических ошибок. Он подружился с Александрой Толстой, немало важной фигурой в эмигрантском мире. Он писал передовицы для крупных эмигрантских газет, особенно для «Нового русского слова». Также Самарин присоединился к североамериканскому отделению Координационного центра антибольшевистской борьбы (позже переименованному в отделение НТС) и вскоре стал его председателем. Он путешествовал за границу и выступал на политических конференциях.

В 1954 году известный историк из Колумбии Александр Даллин пригласил его написать монографию для университетской исследовательской программы по СССР [20]. Соколов принял предложение. Это был его шанс написать мемуары, которые он репетировал в своей голове более десяти лет. Это был его шанс всё объяснить. Он сел за свои дневники и обрывки опубликованных материалов, оставшихся у него с войны. Он назвал монографию «Гражданская жизнь в условиях немецкой оккупации, 1942–44 гг.» [26].

Заявленной целью проекта было проиллюстрировать «дилемму, с которой столкнулись русские на оккупированных территориях, которые выступали против большевистского режи-

ма, а также политики немцев, но не смогли создать третью силу, достаточно сильную, чтобы служить средством реализации своих целей». Книга была объявлена журналистской, и для неё Соколов утверждал, что взял интервью у нескольких русских, которые пережили оккупацию. Исходный материал должен был служить нескольким направлениям одного аргумента – доказать, что истинные русские ненавидели Советы больше, чем нацистов; что многие приветствовали нацистов как освободителей; что небольшое меньшинство коммунистов и евреев поработило Россию и должно было быть изгнано и что это же самое небольшое меньшинство представляло более серьёзную угрозу, чем нацисты, по сути; что сотрудничество его и других с нацистами было популярной, морально санкционированной мерой по разгрому всемирно-исторического заговора [26].

Позже в том же году русский эмигрант, который утверждал, что он старый знакомый из Орла, прочитал то, что написал Соколов, и сообщил Американской службе иммиграции и натурализации (INS), что они позволили нацистскому пособнику проникнуть в страну. INS пригласила Соколова на беседу, и он снова повторил строки, которые знал наизусть: он был антикоммунистом, он никогда не служил в Красной армии или какой-либо другой армии из-за болезни сердца, он был корректором в русскоязычной газете на оккупированной территории [1].

После того как INS освободила Соколова, им заинтересовалось ФБР. Один информатор ФБР сообщил после краткого расследования в течение нескольких дней после беседы с INS, что Соколов был «ярким антикоммунистом». Полевые отчёты, рассекреченные в соответствии с законом 1998 года о раскрытии нацистских военных преступлений, показывают, что этой оценки было достаточно, чтобы ФБР установило контакт с Соколовым в сентябре 1954 года. Они хотели, чтобы он предоставил им информацию о другом эмигранте-антикоммунисте, с которым Соколов встречался несколько раз и которого ФБР подозревало

в подверженности советскому шантажу. В апреле 1959 года Ричард Бисселл-младший, заместитель директора ЦРУ по планированию, разрешил директору ФБР Дж. Эдгару Гуверу взять интервью у Соколова о его готовности сообщить в официальном качестве о возможном советском проникновении в нью-йоркское отделение NTS, глобальные офисы которого в то время получали поддержку ЦРУ [23].

Здесь след становится несколько туманным. После меморандума Бисселла от апреля 1959 года в досье Соколова не появлялось никаких других рассекреченных документов до 1980 года, вскоре после того, как министерство юстиции начало своё расследование в отношении него, и даже они были отредактированы. Возможно, Соколов хорошо провёл собеседование, был принят на работу и вскоре после этого ему присвоили идентификатор информатора ФБР, что объясняет внезапное исчезновение упоминания его имени во внутренних документах.

Норман Дж. У. Года, специалист по Холокосту из Университета Флориды, был одним из четырех историков, которым конгресс поручил в 2000 году изучить миллионы страниц рассекреченных документов о вербовке бывших нацистов разведывательным аппаратом США и написать отчет об их содержании. Он писал, что меморандум 1959 года, возможно, стал началом работы Самарина в качестве информатора ФБР в Йельском университете – в то время рассаднике вербовки разведчиков и подготовки воинов холодной войны [23].

Соколов был нанят Йельским университетом за его политику и ту идеологическую подготовку, которую он мог обеспечить. Он попал в поле зрения университета благодаря Владимиру Петрову, преподавателю кафедры, который преподавал там русский язык с момента её основания. Именно Петров рекомендовал его для интервью в 1959 году, что потребовало почти иррациональной уверенности в политической благонадежности Соколова. В мире эмигрантского антикоммунизма любой мог оказаться советским шпионом. Но у Петрова было больше, чем вера, чтобы продолжать: у

него были те же связи, что и у Соколова. Когда Соколов писал передовицы для нацистской газеты, связанной с коллаборационистом Андреем Власовым, Петров организовывал встречи между Власовым и высокопоставленными нацистскими генералами для координации военной стратегии по свержению большевиков. Когда Соколов приехал в США, он нашёл работу через толстовский фонд, как и Петров. Оба написали мемуары о своем опыте жизни в СССР и борьбе с коммунизмом, и оба часто сотрудничали с эмигрантской прессой. В 1959 году на кафедре была вакансия и по протекции Петрова В. Соколов занял её.

Управление специальных расследований Министерства юстиции США (OSI) к 1979 году превратилось в целевую группу из более чем 30 юристов, историков, специалистов-криминалистов и переводчиков с бюджетом в 2,3 миллиона долларов. Миссией данной структуры было судебное преследование бывших нацистов в США. В случае с Соколовым правительство намеревалось доказать, что он: 1) скрыл от своего интервьюера в лагере для перемещённых лиц настоящую биографию; 2) добровольно помогал вражескому комбатанту США; 3) искажил своё прошлое – ложь «корректора» – для получения въезда в США; 4) получил гражданство, несмотря на «отсутствие моральных качеств». Управление подало иск в отношении В. Самарина в январе 1982 года.

Судебные процессы обычно начинались с показаний историков Холокоста, объясняющих, как фигура подсудимого вписывалась в сложный механизм нацистского геноцида. Роберт Герцштейн, чьи исследования позже помогли OSI раскрыть, что Курт Вальдхайм, бывший генеральный секретарь ООН, а затем действующий президент Австрии, был солдатом нацистского военизированного формирования, давал показания в начале процесса над Соколовым. По словам Герцштейна, роль Соколова в нацистском аппарате заключалась в обеспечении функционирования «идеологической войны» и пропаганды нацистских идей среди оккупированного местного населения [23].

Теперь Управление специальных расследований Министерства юстиции США (OSI) должно было доказать, что Соколов был непосредственно причастен к преступлениям нацистов. В Москве под советским наблюдением OSI сняло показания и перерыло тысячи досье гестапо, захваченных Красной армией после падения Берлина, перевело и проверило их подлинность судебно-медицинской экспертизой, а также сверило все найденные имена с американскими иммиграционными документами. Если у них была положительная идентификация, они начинали расследование. О В. Соколове была обнаружена справка, свидетельствующая о его нацистском прошлом, датированная 8 июля 1943 года, как раз перед эвакуацией немцами из Орла, в которой говорилось: «Увлеченный сотрудник и заслуживающий доверия оратор-пропагандист. Как следствие его ярко выраженной антибольшевистской позиции, слегка склонен к тенденциозным заявлениям». Но несмотря на очевидные факты, подтверждающие, что Соколов – нацист, защита отвергла все обвинения, выдвинутые OSI: что Соколов, знал о нацистском геноциде, что он добровольно предложил свои услуги не из отчаяния или антикоммунизма, что он написал антисемитские части статей, что он преуменьшил свою причастность к газете, когда давал интервью в иммиграционной службе. Логика была запутанной, но их целью было обойти нарастающие архивные доказательства о причастности к сотрудничеству с немцами в его адрес [18].

Остальная часть защиты сводилась к полному отрицанию какой-либо ответственности за слова, появившиеся под подписью Соколова. Сам Соколов свидетельствовал, что Михаил Октан, которого нацисты в конце концов сделали главным редактором, «требовал, чтобы мы, сотрудники, писали против евреев, и, если мы писали по-другому, он брал их и менял, и иногда я не узнавал свои собственные статьи. Я их не узнал...». Ведущий адвокат Соколова, Брайан Гильди, был знаком с такого рода делами. С 1977 по 1984 год он защищал в Верховном суде Фёдора Федоренко, бывше-

го охранника Третьей рейхи – лагеря уничтожения, где нацисты убили почти миллион евреев. Гильди занялся защитой нацистов на суде, работая в иммиграционном отделе юридической фирмы в Нью-Хейвене.

Президент Рейган остался в стороне, и министерство юстиции разрешило расследованию продолжаться. В 1986 году суд лишил Соколова гражданства; год спустя он и Гильди передали дело в апелляционный суд. И когда суд оставил в силе первый вердикт, Самарин написал письмо русскому православному монаху в монастыре в Монреале (Канада), который согласился предоставить ему убежище, и бежал из страны. Соколов умер там пять лет спустя.

После краха Третьего рейха множество нацистских преступников и их пособников осуществляли попытки обелить себя и выставить не причастными к преступлениям. Сотрудники отделов пропаганды позиционировали себя как простых журналистов, писателей, работавших на немцев вынужденно или, по крайней мере, как не причастных к антисемитской пропаганде. Таким был и В. Самарин. Свою деятельность, заключающуюся в работе на нацистов, он характеризовал так: «...в этом Движении (он имеет в виду Русское освободительное движение) я принимал посильное участие – пером своим...». А в 1986 году он досадовал: «...с меня начинается новая кампания против тех, кто в публикациях Отдела специальных расследований чернятся, как пропагандисты, пособники нацистов. Было ясно: подготавливается показательный процесс...» [13].

Во время судебного процесса он заявлял: «...меня судят за то, что я писал сорок лет назад. Меня судят за то, что я писал не в Америке, где живу уже тридцать четыре года, а совсем в другой стране, на моей родине. Меня судят за то, что я писал против евреев, в то время как я писал против евреев-коммунистов... Меня судят за то, что я якобы взаимодействовал с гитлеровским режимом. С гитлеровским режимом я не коллаборировал. Этот режим был враждебен мне и всем русским людям, как и режим большевистский, ком-

мунистический. Я был участником Русского освободительного движения, которое существовало в глубоком подполье еще до прихода немцев, и не немцы использовали Русское освободительное движение, возглавляемое во время войны генералом-антикоммунистом Власовым, а Русское освободительное движение использовало немцев в целях борьбы против большевизма» [13]. Пытаясь фальсифицировать события Великой Отечественной войны и роли сотрудничавших с нацистскими пропагандистами, Самарин стремился снять вину не только с себя, но и со всего коллаборационистского движения, причастного к преступлениям нацизма в неменьшей мере, чем немецкая армия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование такого феномена отечественной истории, как коллаборационизм, даёт возможность воссоздания более полной картины событий периода Великой Отечественной войны и той роли, которую сыграли предатели в пропаганде нацизма, военных преступлениях и геноциде советского народа, учинённых нацистской Германией в СССР. Кроме того, при обращении к печатным изданиям, контролируемым немецкой армией, и биографиям их пособников обнаруживаются довольно важные сведения о подготовке информационной войны на территории СССР задолго до 1941 года, а также не только о вовлечённости различных государств Западной Европы и Америки в покровительство нацистским преступникам и их использовании в период холодной войны в своих геополитических интересах, но и о попытках их осуждения и привлечения к ответственности. Малоизвестные аспекты Великой Отечественной войны, связанные с информационным и пропагандистским противоборством, дающие более полную и ясную картину нацистской стратегии на Восточном фронте, а также освещающие более детальные сведения о формировании и функционировании коллаборационизма на территории Советского Союза, являются важным и в настоящее время аспектом изучения исторической науки.

Библиография / References:

1. Болотников Б. Решение по делу В. Самарина // Посев. – № 8. – 1987. – С. 61–62.
2. Грибков, И. В. Газеты на оккупированной территории СССР на русском языке в период Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.): источниковедческое исследование: специальность 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования»: диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Грибков Иван Владимирович, 2016. – 262 с. – EDN EBHIYA.
3. Убийцы словом. Оккупационная печатная пропаганда: сборник статей / под ред. И.В. Грибкова. – М.: Сеятель, 2022. – 338 с.
4. Дубсон В. Нацистская антисемитская пропаганда в Центральной России (1941–1943) // Тень Холокоста. – 1998. – С. 133–136.
5. Жуков, Д. А. Власовцы и нацистская пропаганда. – М.: Жуков, 2000. – 39 с.
6. Жуков, Д.А. Бургомистр и палач. Тонька-пулеметчица, Бронислав Каминский и другие [Текст] / Дмитрий Жуков, Иван Ковтун. – М.: Пятый Рим, 2017. – 571 с.
7. Ковалев, Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России 1941–1944 / Б.Н. Ковалев. – М.: Издательство АСТ, 2004. – 483 с. – (Военно-историческая библиотека). – ISBN 5-17-020865-0. – EDN QOUQUX.
8. Мюллер, Н. Вермахт и оккупация. (1941–1944 гг.). О роли Вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории / пер. с нем. А.П. Артемова [и др.]; под ред. А.Ф. Юденкова. – М.: Воениздат, 1974. – 386 с.
9. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2. Границы СССР восстановлены (1 июля – 31 декабря 1944 г.). – М.: Кучково поле, 2007. – 896 с.
10. Речь. – 1942. – № 51 (299). – 26 июля. – С. 2.
11. Речь. – 1943. – № 33 (216). – 24 марта. – С. 2.
12. Речь. – 1943. – № 61 (244). – 25 июня. – С. 2.

13. Самарин, В.Д. Зарево // Новое Слово (Берлин). 1944. № 23 (613). – 19 марта. – С. 5.
14. Самарин, В.Д. Нео-инквизиция // Наша Страна (Буэнос Айрес). – 1986. – № 1852. – Ч. 1. – 25 января. – С. 1–2.
15. Самарин, В.Д. Нео-инквизиция // Наша Страна (Буэнос Айрес). – 1986. – № 1852. – Ч. 2. – 25 января. – С. 2–3.
16. Самарин, В. Пропаганда и печать на оккупированных территориях // Эхо войны. – 2011. – № 1 (4). – Ч. 1. – С. 53–55.
17. Самарин В. Пропаганда и печать на оккупированных территориях // Эхо войны. – 2011. – № 1 (4). – Ч. 2. – С. 55–57.
18. Селютин, В. Н. О системе образования на оккупированной территории Орловской области / В. Н. Селютин // Пространство и Время. – 2011. – № 3 (5). – С. 93–95. – EDN OOPTQB.
19. Соколов-Самарин В.Д. О наших авторах // Наша Страна (Буэнос Айрес). – 1986. – № 1859. – Ч. 1. – 15 марта. – С. 2.
20. Чуев, С.Г. Проклятые солдаты. – М.: Яуза, 2004. – (Тайны III Рейха). – ISBN 5-699-05970-9. – EDN QOVBEX.
21. Boelcke W.A. Kriegspropaganda 1939–1941. – Stuttgart, 1966. – P. 286, 292.
22. Dallin A: Portrait of a Collaborator: Oktan. Soviet Survey, № 35 (январь – март 1961). – P.114–119
23. Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden durch das nationalsozialistische Deutschland 1933–1945 (Quellensammlung), Band 1: Deutsches Reich 1933–1937 (hrsg. von Wolf Gruner) München 2008, ISBN 978-3-486-58480-6. – P.624, № 259
24. Goda N.J.W. Nazi Collaborators in the United States: What the FBI Knew // Breitman R. et al. US Intelligence and the Nazis. – Cambridge UP, 2005. – P. 245.
25. Harris J. Nazi Ties Revealed; Samarin Quits Faculty // Yale Daily News. 20 September 1976.
26. Manvell R., Fraenkel H. Doctor Goebbels: his life and death. – London, 2006. – P. 140, 141.
27. Nazis Leave Swath of Desolation On Route of Retreat From Orel. – New York Times, 18.08.1943. – P.5.
28. Булышкин, И. Б. К вопросу о методологических особенностях изучения архивов военных лет / И. Б. Булышкин, Е. С. Матвеева // Современная научная мысль. – 2023. – № 2. – С. 253–258. – DOI 10.24412/2308-264X-2023-2-253-258. – EDN LLPFDR.
29. Меркулов, П. А. И.Г. Старинов и органы государственной безопасности / П. А. Меркулов, А. В. Меркулов // Вестник государственного и муниципального управления. – 2023. – Т. 12, № 2. – С. 11–20. – DOI 10.22394/2225-8272-2023-12-2-11-20. – EDN TJKUQB.
1. Bolotnikov B. Resheniye po delu V.Samarina // Posev. – № 8. – 1987. – S.61–62. (In Russ.).
2. Gribkov, I.V. Gazety na okkupirovannoy territorii SSSR na russkom yazyke v period Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1944 gg.): istochnikovedcheskoye issledovaniye: spetsial'nost' 07.00.09 «Istoriografiya, istochnikovedeniye i metody istoricheskogo issledovaniya»: dissertatsiya na soiskaniye uchonoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk / Gribkov Ivan Vladimirovich, 2016. – 262s. – EDN EBHIYA. (In Russ.).
3. Ubiytsy slovom. Okkupatsionnaya pechatnaya propaganda: sbornik statey / pod red. I.V. Gribkova. – М.: Seyatel', 2022. – 338s. (In Russ.).
4. Dubson V. Natsistskaya antisemitskaya propaganda v Tsentral'noy Rossii (1941–1943) // Ten' Kholokosta. – 1998. – S.133–136. (In Russ.).
5. Zhukov, D. A. Vlasovtsy i natsistskaya propaganda. – М.: Zhukov, 2000. – 39 s. (In Russ.).
6. Zhukov, D. A. Burgomistr i palach. Ton'kapulemetchitsa, Bronislav Kaminskiy i drugiye [Tekst] / Dmitriy Zhukov, Ivan Kovtun. – М.: Pyatyy Rim, 2017. – 571s. (In Russ.).
7. Kovalev, B.N. Natsistskaya okkupatsiya i kolaboratsionizm v Rossii 1941-1944 / B.N. Kovalev. – М.: Izdatel'stvo AST, 2004. – 483 s. – (Voyenno-istoricheskaya biblioteka). – ISBN 5-17-020865-0. – EDN QOUQUX. (In Russ.).
8. Myuller, N. Vermakht i okkupatsiya. (1941–1944gg.). O roli Vermakhta i yego rukovodiyashchikh organov v osushchestvlenii okkupatsionnogo rezhima na sovetskoy territorii / per. s nem. A.P. Artemova [i dr.]; pod red. A.F. Yudenkova. – М.: Voenizdat, 1974. – 386 s. (In Russ.). (In Russ.).
9. Organy gosudarstvennoy bezopasnosti

- SSSR v Velikoy Otechestvennoy voyne. T. V. Kn. 2. Granitsy SSSR vosstanovleny (1 iyulya – 31 dekabrya 1944 g.). – M.: Kuchkovo pole, 2007. – 896 s. (In Russ.). (In Russ.).
10. Rech'. – 1942. – №51 (299). – 26 iyulya. – S.2. (In Russ.).
11. Rech'. – 1943. – № 33 (216). – 24 marta. – S. 2. (In Russ.).
12. Rech'. – 1943. – № 61 (244). – 25 iyunya. – S. 2. (In Russ.).
13. Samarin, V.D. (1944) Zarevo // Novoye Slovo (Berlin). – №23(613). – 19 marta. – S.5. (In Russ.).
14. Samarin, V.D. (1986) Neo-inkvizitsiya // Nasha Strana (Buenos Ayres). – №1852. – Ch.1. – 25 yanvarya. – S.1-2. (In Russ.).
15. Samarin, V.D. (1986) Neo-inkvizitsiya // Nasha Strana (Buenos Ayres). – №1852. – Ch.2. – 25 yanvarya. – S.2-3. (In Russ.).
16. Samarin, V. (2011) Propaganda i pechat' na okkupirovannykh territoriyakh // Ekho voyny. – №1(4). – Ch.1. – S.53-55. (In Russ.).
17. Samarin V. (2011) Propaganda i pechat' na okkupirovannykh territoriyakh // Ekho voyny. – №1(4). – Ch.2. – S.55-57. (In Russ.).
18. Selyutin, V. N. O sisteme obrazovaniya na okkupirovannoy territorii Orlovskoy oblasti / V. N. Selyutin // Prostranstvo i Vremya. – 2011. – № 3(5). – S. 93-95. – EDN OOPTQB. (In Russ.).
19. Sokolov-Samarin V.D. O nashikh avtorakh // Nasha Strana (Buenos Ayres). – 1986. – №1859. – Ch.1. – 15 marta. – S.2. (In Russ.).
20. Chuyev, S.G. Proklyatyie soldaty. – M.: Yauza, 2004. – (Tayny III Reykha). – ISBN 5-699-05970-9. – EDN QOVBX. (In Russ.).
21. Boelcke W.A. Kriegspropaganda 1939–1941. – Stuttgart, 1966. – P. 286, 292.
22. Dallin A: Portrait of a Collaborator: Oktan. Soviet Survey, № 35 (январь-март 1961). – P.114–119
23. Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden durch das nationalsozialistische Deutschland 1933–1945 (Quellensammlung), Band 1: Deutsches Reich 1933–1937 (hrsg. von Wolf Gruner) München 2008, ISBN 978-3-486-58480-6. – P.624, №.259.
24. Goda N.J.W. Nazi Collaborators in the United States: What the FBI Knew // Breitman R. et al. US Intelligence and the Nazis. – Cambridge UP, 2005. – P. 245.
25. Harris J. Nazi Ties Revealed; Samarin Quits Faculty // Yale Daily News. 20 September 1976.
26. Manvell R., Fraenkel H. Doctor Goebbels: his life and death. – London, 2006. – P. 140, 141.
27. Nazis Leave Swath of Desolation On Route of Retreat From Orel. – New York Times, 18.08.1943. – P.5.
28. Bulyshkin, I. B. K voprosu o metodologicheskikh osobennostyakh izucheniya arkhivov voyennykh let / I. B. Bulyshkin, E. S. Matveyeva // Sovremennaya nauchnaya mysl'. – 2023. – № 2. – S. 253-258. – DOI 10.24412/2308-264X-2023-2-253-258. – EDN LLPFDR. (In Russ.).
29. Merkulov, P. A. I.G. Starinov i organy gosudarstvennoy bezopasnosti / P. A. Merkulov, A. V. Merkulov // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya. – 2023. – T. 12, № 2. – S. 11-20. – DOI 10.22394/2225-8272-2023-12-2-11-20. – EDN TJKUB. (In Russ.).

Информация об авторе:

БУЛЫШКИН Илья Борисович, аспирант, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, адрес: 302026, Россия, г. Орёл, ул. Октябрьская, д. 12, e-mail: sophialogos@yandex.ru, SPIN-код: 6345-8804, ORCID 0009-0003-1916-8428

Author:

BULYSHKIN I.B., Postgraduate student, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEP (Russian Federation, Orel), e-mail: sophialogos@yandex.ru, SPIN-code: 6345-8804, ORCID 0009-0003-1916-8428

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию (Received) 17.09.2023.

Поступила после рецензирования (Revised) 21.11.2023.

Принята к публикации (Accepted) 18.03.2024.